

НАУЧНЫЙ
ФОРУМ
nauchforum.ru

ISSN: 2542-128X

№8(103)

НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ИСТОРИЯ
СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ,
И ФИЛОСОФИЯ

МОСКВА, 2025

НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
**ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ИСТОРИЯ,
СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ
И ФИЛОСОФИЯ**

*Сборник статей по материалам СШ международной
научно-практической конференции*

№ 8 (103)
Август 2025 г.

Издается с ноября 2016 года

Москва
2025

УДК 1/14+31/34+93/94

ББК 6+87

НЗ4

Председатель редакционной коллегии:

Лебедева Надежда Анатольевна – доктор философии в области культурологии, профессор философии Международной кадровой академии, член Евразийской Академии Телевидения и Радио.

Редакционная коллегия:

Бахарева Ольга Александровна – канд. юрид. наук, доц. кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Россия, г. Саратов;

Нестеренко Алена Юрьевна – кандидат культурологии, эксперт Управления академической экспертизы НИУ ВШЭ;

Попова Ирина Викторовна – д-р социол. наук, проф. кафедры истории России Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, Россия, г. Кострома.

НЗ4 Научный форум: Юриспруденция, история, социология, политология и философия: сб. ст. по материалам СШ междунар. науч.-практ. конф. – № 8 (103). – М.: Изд. «МЦНО», 2025. – 56 с.

ISSN 2542-128X

Статьи, принятые к публикации, размещаются на сайте научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

ББК 6+87

ISSN 2542-128X

© «МЦНО», 2025

Оглавление

Раздел 1. Юриспруденция	4
1.1. Административное право; административный процесс	4
СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА КАК НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК РОССИЙСКОГО ПРАВА Магомедгаджиева Патимат Муртазаалиевна	4
1.2. Гражданский процесс; арбитражный процесс	8
СУДЕБНЫЙ ПРЕЦЕДЕНТ В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ПРАВА: ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ПРИЗНАНИЯ Донцова Татьяна Климовна Донцов Евгений Михайлович	8
1.3. Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право	30
ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО РЕЖИМА ПРИ ЗАКУПКАХ БЮДЖЕТНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ ТОВАРОВ САНИТАРНО-ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОГО НАЗНАЧЕНИЯ Сибирная Ксения Викторовна	30
ПРИОБРЕТЕНИЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА САМОВОЛЬНУЮ ПОСТРОЙКУ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ Шевлюгина Анастасия Александровна	35
1.4. Земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право	42
ИСТОРИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ОТХОДЫ ПРОИЗВОДСТВА И ПОТРЕБЛЕНИЯ» В ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ПРАВЕ РФ Павлюченков Алексей Андреевич	42
К ВОПРОСУ О КОНЦЕПЦИИ ЕДИНСТВА ЮРИДИЧЕСКОЙ СУДЬБЫ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА И РАСПОЛОЖЕННОЙ НА НЕМ ПОСТРОЙКИ Лудашова Елизавета Олеговна	51

РАЗДЕЛ 1.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

1.1. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО; АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА КАК НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК РОССИЙСКОГО ПРАВА

Магомедгаджиева Патимат Муртазаалиевна

магистр,

Дорогомилловский районный суд,

РФ, г. Москвы

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме несоответствия правовых норм современным общественным отношениям, особенно в динамичной сфере предпринимательской деятельности, где постоянно возникают новые вызовы и конфликты. Центральное место в статье занимает рассмотрение судебной практики как ключевой движущей силы в развитии и адаптации правоприменительной системы. Особое внимание уделяется процессу формирования прецедентного права, основанного на решениях судов по делам предпринимательского характера. Анализ конкретных примеров показывает, как судебные органы способствуют упорядочению предпринимательских отношений, обеспечивая баланс между защитой прав предпринимателей и интересами других участников рынка.

Ключевые слова: правовое регулирование, предпринимательская деятельность, пробельность законодательства, судебная практика, защита прав и интересов, прецедентное право, правовая стабильность.

Текст статьи: Актуальность исследования обусловлена отсутствием единого понимания судебной практики и ее роли как источника права. Отечественная наука давно изучает этот сложный феномен с разных сторон и с использованием различных методологий, что приводит

к многообразию мнений о содержании судебной практики. Предлагается рассматривать судебную практику как обобщающую категорию, включающую в себя различные виды судебной практики в разных сферах (гражданской, уголовной, административной и т.д.). Эта категория отражает объёмность и многокомпонентность реального явления, определяемого как судебная практика. [1, С.21]

В российской доктрине, сохраняющей советские традиции, судебная практика не признавалась официальным источником права, хотя рассматривалась как основание для изменения закона. Несмотря на важность судебной практики в формировании правовых норм и обеспечении их применения через рассмотрение дел и прецеденты, она не считается источником правовых норм и не может изменять законодательство. Функция судебной практики состоит в интерпретации, уточнении и конкретизации существующего законодательства.

Правоприменитель обязан соблюдать закон, используя судебную практику для его трактовки. Судебная практика неоднородна и варьируется в зависимости от региона и инстанции, требует учета места происхождения и отслеживания изменений. Судебная практика – это формирование устойчивых правовых положений на основе рассмотрения дел, конкретизация правовых норм и создание правил по их применению в будущем.

Судебная практика – важный источник правовой информации, обеспечивающий единообразное применение закона. Судебные решения, обобщения и правовые правила используются для принятия новых законов и изменения существующих. Судебная практика не изменяет законодательство, а конкретизирует его применение. Важно учитывать различия в судебной практике в зависимости от инстанции и региона, а также актуальность информации. Судебная практика не устанавливает новые правила, а разъясняет и конкретизирует существующие законы, устраняя пробелы. Она не меняет закон, а раскрывает его содержание. Хотя судебная практика и не является законодательно закреплённым источником права в странах, где нет судебного прецедента, судьи часто ссылаются на толкования высших судов. В РФ судебная практика влияет на правовую систему и стимулирует доктринальные мнения, которые могут привести к созданию новых обязательных норм для совершенствования права.

Судебная практика, в отличие от закона, не создает новых правил, а устраняет пробелы в законе и разъясняет действующее законодательство для правоприменителей. Судебная практика конкретизирует законодательные нормы, не изменяя их. Хотя формально не является источником права, судьи ориентируются на толкования высших судов [2, С. 653-658].

Понимание судебной практики как не обладающей правотворческой функцией характерно для государств, где не признан судебный

прецедент [3, С. 72]. В РФ судебная практика влияет на правовую систему и судебную деятельность, вызывая доктринальные мнения, которые стимулируют законодателя к созданию обязательных правовых норм для совершенствования права.

Проблема использования судебных решений в делах о защите конституционных прав граждан и прав человека актуальна. Судебная практика полезна для определения правовых стандартов и конкретизации законодательства, но как единственный источник может быть проблематична. Причины: Спорность судебной практики из-за различий между судами и регионами, ведущая к противоречиям в решениях. Возможное игнорирование изменений в законодательстве, что устаревает правовые стандарты и создает законодательную перегрузку. Несоответствие принципу разделения властей в России.

Судебная практика конкретизирует законодательство, а не создает новые нормы. Использование судебных решений как единственного регулятора общественных отношений нарушает разделение властей, ведет к превышению компетенции судебной власти и противоречивым решениям. Судебная практика ограничена и должна использоваться с учетом проблем. Она помогает обеспечить единообразное применение закона и является важным источником правовой информации.

В российской теории права судебная практика традиционно не признается полноценным источником права. Она рассматривается как средство конкретизации юридических норм и толкования законов, а не как инструмент для установления новых или изменения существующих правил. Признание судебной практики источником права, по мнению сторонников данной точки зрения, противоречит принципу независимости судей, закрепленному в статье 120 Конституции РФ, согласно которому судьи подчиняются только Конституции и федеральному закону. Судебная практика, таким образом, выполняет вспомогательную функцию в процессе применения права, а не является его самостоятельным источником.

Судебная практика, выявляя пробелы в законодательстве в ходе правоприменения, могла бы помочь их решить, если бы признавалась источником права. Хотя в РФ она официально таковым не является, фактически судебная практика выступает особым дополнительным (неофициальным) источником права, выделяясь своим местом, характером и принципами среди других источников.

Судебная практика – важный источник права, содержащий проверенные практикой обязательные решения судов. Она служит материальным источником, предоставляя правотворчеству конкретные решения и свод правил, основанных на применении норм, опыте и общественной значимости решений. Судебная практика, как источник права, имеет ограничения и

должна использоваться с учетом других источников права и обстоятельств дела. Признание судебной практики источником права обогащает теорию и регулятивную базу российского права. Судебная практика, включая решения Конституционного Суда, формирует почву для изменений в законодательстве. Решения Гражданской коллегии по гражданским делам, рассматривающей в том числе предпринимательские споры, также являются источником права. Предпринимательские споры охватывают широкий спектр вопросов, возникающих в предпринимательской деятельности, таких как споры по договорам, интеллектуальной собственности и конкуренции.

В последние годы Верховный Суд России усилил роль precedентов, подкрепляя свои позиции в конкретных делах официальными мнениями и постановлениями, обязательными для нижестоящих судов. Фактически, Верховный Суд является источником precedентного права. Судебная коллегия по гражданским делам проводит обзоры практики, например, по гражданским и предпринимательским спорам, основываясь на решениях высших судебных инстанций. Эти обзоры полезны для определения эффективных подходов к решению споров и могут стать источником права, выявляя принципы и правила, применяемые в будущих процессах (например, в отношении формы договоров купли-продажи). Таким образом, обзор практики – важный элемент судебной практики и источник права в РФ.

Признание судебной практики источником права в РФ требует изменений в правовой системе, повышения квалификации, ответственности и независимости судей [4, С. 24]. Судебная практика должна стать дополнительным источником, но необходимо создать систему контроля и отбора судей, а также повысить правовую культуру общества. Важно изменить отношение к праву как к общественному благу. Это долгосрочный процесс, требующий согласованных действий.

Список литературы:

1. Алексеев С.С. Общая теория государства и права. – М.: Юридическая литература, 1982. Т. 2. – С. 72.
2. Судебная практика в правовой системе России: научные очерки / под ред. Т.В. Губаевой, А.В. Краснова. – Москва : РГУП, 2021. – С. 21. – ISBN 978-5-93916-889-2. – Текст : электронный. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/1869200> (дата обращения: 01.08.2025). – Режим доступа: по подписке.
3. Судебная практика в правовой системе России: научные очерки / под ред. Т.В. Губаевой, А.В. Краснова. – Москва : РГУП, 2021. – С. 24. – ISBN 978-5-93916-889-2. – Текст : электронный. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/1869200> (дата обращения: 01.08.2025). – Режим доступа: по подписке.
4. Фадеева Н.Н. Роль судебной практики в регламентировании предпринимательской деятельности / Н.Н. Фадеева // Аллея науки. – 2020. – Т. 2, № 12 (51). – С. 653-658. – EDN VNOKSD.

1.2. ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

СУДЕБНЫЙ ПРЕЦЕДЕНТ В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ПРАВА: ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ПРИЗНАНИЯ

Донцова Татьяна Климовна

*канд. юрид. наук,
доц. кафедры «Юриспруденции»,
ФГБОУ ВО «Херсонский
технический университет»,
г. Геническ*

Донцов Евгений Михайлович

*канд. юрид. наук,
доц., проф. кафедры «Юриспруденции»,
ФГБОУ ВО «Херсонский
технический университет»,
г. Геническ*

JUDICIAL PRECEDENT IN THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM: FEASIBILITY AND PROSPECTS FOR LEGISLATIVE RECOGNITION

Dontsova Tatyana Klimovna

*PhD in Law,
Associate Professor of the Department
of Jurisprudence,
Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education,
Kherson Technical University,
Genichesk*

Dontsov Evgeny Mikhailovich

*PhD in Law, Associate Professor,
Professor of the Department of Jurisprudence,
Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education,
Kherson Technical University,
Genichesk*

Аннотация. Статья посвящена проблеме отсутствия законодательного признания судебного прецедента в качестве источника права в российской правовой системе. Целью исследования является обоснование необходимости придания разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ статуса официального источника права; в рамках этой цели анализируются теоретические основания, судебная практика и предлагаются конкретные законодательные меры. Предложенные поправки направлены на обеспечение единства правоприменительной практики, устранение правовой неопределённости и повышение предсказуемости судебных решений.

Abstract. The article addresses the issue of the lack of legislative recognition of judicial precedent as a source of law in the Russian legal system. The aim of the study is to substantiate the need to grant the Plenum and Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation the status of an official source of law; within this framework, the article examines theoretical foundations, analyzes judicial practice, and proposes specific legislative measures. The proposed amendments are intended to ensure the uniformity of law enforcement, eliminate legal uncertainty, and enhance the predictability of court decisions.

Ключевые слова: судебный прецедент, источники права, Постановления Пленума Верховного Суда РФ, правовая определённость, единство судебной практики, правовое регулирование.

Keywords: judicial precedent, sources of law, Plenum resolutions of the Supreme Court of the Russian Federation, legal certainty, consistency of judicial practice, legal regulation.

«Закон должен иметь одинаковое значение для всех».

Ш. Монтескье [10, с.773]

Не вдаваясь в теоретическую полемику по поводу различных подходов авторов к определению понятия прецедента, заострим внимание на его сущностной характеристике, прецедент – это случай или событие, имевшее место в прошлом и служащее основанием для принятия аналогичных решений в настоящем.

Под судебным прецедентом, в узком юридическом смысле, понимается решение высшего судебного органа по конкретному делу, которое в дальнейшем приобретает обязательный характер для судов при рассмотрении аналогичных правовых ситуаций [3, с.231].

Известно, что институт судебного прецедента, как и многие другие выдающиеся институты права, дошедшие до нас сквозь тысячелетия, был сформирован ещё в Древнем Риме. Так, уже в римскую эпоху решения преторов и других магистратов рассматривались как обязательные при рассмотрении аналогичных дел. На этой основе многие институты римского права сформировались под влиянием судебных прецедентов.

Как справедливо подчёркивает Н.М. Азаркин, оценивая значение римского права: «Рим – родина самостоятельной светской науки правоведения» [1, с.133]. Действительно, генезис римского права уникален. Прогрессивные правовые идеи, разработанные юристами Древнего Рима, их понятийный аппарат, правовые институты и отрасли, заняли исключительное место в истории мировой юридической мысли, научной доктрине, современном правовом регулировании и правовой культуре человечества. Они опередили время на десятки столетий и во многом предвосхитили направление эволюции права, подобно тому, как христианство, возникшее на территории Римской империи, определило развитие духовной культуры Европы и мира на тысячелетия вперёд.

Вопрос о необходимости законодательного закрепления в российской правовой системе судебного прецедента – постановлений Пленумов Верховного Суда РФ и постановлений Президиума Верховного Суда РФ в качестве источников права, является на наш взгляд, одним из ключевых аспектов судебной деятельности, обеспечивающих должную и справедливую защиту прав и законных интересов граждан и организаций. Он напрямую влияет на правильное разрешение дел судами первой инстанции, оценку законности и обоснованности решений, не вступивших в законную силу, законности определений судов апелляционной инстанции, а также на проверку законности вступивших в силу судебных актов кассационными судами. Кроме того, судебный прецедент имеет значение для установления правильности толкования и применения норм материального и процессуального права судами всех инстанций, включая надзорную (ст. 391.1 ГПК РФ).

Очевидно, что решение данного вопроса зависит от целого комплекса факторов как объективных, так и субъективных, но в первую очередь – от политической воли законодателя.

Следует отметить, что в теории права до настоящего времени сохраняется архаичное представление о том, что судебный прецедент,

а следовательно, и судебная практика, характерны исключительно для англосаксонской правовой семьи. В соответствии с этим подходом, ряд отечественных учёных осторожно подчёркивают, что поскольку Россия относится к континентальной (романо-германской) правовой системе, ей присуща ориентация исключительно на писаное право, а потому судебный прецедент не обладает статусом источника права, как это имеет место в странах англосаксонской традиции [9, с.53].

Позволим не согласиться с данной точкой зрения по следующим аргументированным основаниям. Российская правовая система не является статичной или догматичной конструкцией, она постоянно трансформируется с учётом общественно-политического, социального и экономического развития общества и государства. Именно с учётом этих факторов и иных объективных индикаторов регулярно вносятся изменения и дополнения в Гражданский кодекс РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, другие кодексы, федеральные конституционные законы, федеральные законы Российской Федерации, а также в Конституцию Российской Федерации.

Таким образом, российская правовая система, как и её законодательство, находится в состоянии постоянного совершенствования и модернизации, демонстрируя динамичное развитие, отражающее уровень правовой зрелости государства. Следовательно, элементы романо-германской правовой традиции прослеживаются и в англосаксонской системе, и наоборот. Из этого следует, что в реальной правовой жизни любой правовой системы невозможно существование исключительно «чистого» типа, все правовые системы на сегодняшний день являются смешанными.

Ярким примером служат решения, принимаемые Конституционным Судом РФ в форме постановлений и определений, которые, по своей юридической природе, безусловно, относятся к судебному прецеденту (англосаксонской системе права) как источнику судебного права, поскольку обладают прямым действием и не требуют дополнительного подтверждения другими органами или должностными лицами, и вряд ли кто-то с этим будет спорить. То же самое можно сказать и о решениях Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), которые стали источником положительных правовых преобразований в Уголовно-процессуальном кодексе РФ, Уголовно-исполнительном кодексе РФ и других нормативно-правовых актах, в части соблюдения прав задержанного, подозреваемого, осужденного.

Благодаря решениям ЕСПЧ были внесены важные и значимые демократические, прогрессивные, гуманные изменения, направленные на реализацию естественных прав человека, таких как: улучшение условий содержания подследственных в следственных изоляторах и осуждённых

в исправительных учреждениях; обеспечение уважения к человеческому достоинству и т.п. Характерным примером служит и принятие в 2010 году Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» [15], ставшего возможным в том числе благодаря действию международной Конвенции о защите прав человека и основных свобод [11].

Указанная коммуникативная правовая взаимосвязь между двумя правовыми системами в современном мире представляется объективно обусловленной, естественной и закономерной. Она продиктована реальными потребностями функционирования демократического, правового государства, подобно тому, как взаимосвязаны между собой экономические законы глобального, мирового рынка, фондовых и валютных бирж, не знающие административных границ, действующие во всех государствах.

Международная интеграция прогрессивных правовых норм в различные национальные правовые системы и взаимообмен правовым опытом между ними не разрушает, а, напротив, взаимно дополняет их, делая правовые системы государств мира более гибкими, эффективными и цивилизованными в аспекте правового регулирования, способными отвечать реалиям современной действительности.

В качестве наглядного примера взаимопроникновения элементов различных правовых систем можно привести часть 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации, в которой записано: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью её правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».

Таким образом, в Российской Федерации международные нормы и договоры обладают приоритетом над национальным законодательством, независимо от того, к какой правовой семье англосаксонской или романо-германской относятся соответствующие принципы и положения международного права [14].

В связи с этим представляется иррациональным и излишне консервативным подход ряда отечественных авторов, которые продолжают считать, что национальная правовая система России исключительно принадлежит к континентальной, романо-германской правовой семье, где судебный прецедент якобы не может рассматриваться в качестве источника права.

Следует объективно признать, что в настоящее динамичное время проблема законодательного признания судебного прецедента источником

права в российской правовой системе приобретает особую актуальность, и, по нашему мнению, её дальнейшее игнорирование недопустимо. В качестве главного неоспоримого аргумента является современная правовая реальность, которая свидетельствует нам о том, что судебная практика и судебный прецедент фактически выступают как два равноценных регулятора общественных отношений.

Данную аксиому трудно рационально опровергнуть, поскольку несмотря на то, что постановления Пленума и Президиума Верховного Суда РФ де-юре не признаны в качестве источника судебного права, де-факто они давно уже выполняют эту функцию, пусть даже и частично.

Почему частично? Потому что, например, несмотря на наличие в пункте 3 статьи 391.9 ГПК РФ («Основания для отмены или изменения судебных постановлений в порядке надзора») прямого указания о том, что, если Президиум Верховного Суда Российской Федерации установит, что обжалуемое судебное постановление нарушает единообразие в толковании и применении судами норм права, такие постановления подлежат отмене или изменению (в соответствии с частью 2 статьи 391.1 ГПК РФ), на практике многие судьи нижестоящих судов игнорируют данное положение.

Вместо следования единообразному толкованию норм права, установленному коллегиально высшей судебной инстанцией, отдельные судьи подменяют его собственной субъективной оценкой, тем самым нарушая не только п. 3 ст. 391.9 ГПК РФ, но и разъяснения, данные нижестоящим судам в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2015), утверждённом Президиумом ВС РФ 25.11.2015 (в ред. от 28.03.2018). В этом обзоре четко сказано: «Под нарушением судебным постановлением единообразия в толковании и применении норм права понимается содержащееся в судебном постановлении такое толкование и применение правовых норм, которое противоречит разъяснениям, содержащимся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, а также в постановлении Президиума Верховного Суда РФ» [12].

Многим практикующим юристам, судьям, сотрудникам аппаратов судов, судебных департаментов и управлений, обладающим значительным практическим опытом, данная проблема хорошо известна на уровне личного профессионального опыта. Как известно, именно правоприменительная практика в наибольшей степени оттачивает теоретические знания, выявляет недостатки, пробелы и коллизии в правовых нормах с целью их последующего устранения и совершенствования путём внесения соответствующих изменений, дополнений и поправок в Конституцию РФ, отраслевое законодательство, кодексы и иные нормативно-правовые акты.

Этот процесс можно сравнить, например, с ювелирной работой, при которой мастер превращает природный алмаз в отточенное произведение искусства – бриллиант.

Как говорил великий полководец Александр Васильевич Суворов: «Теория без практики мертва, практика без теории слепа». Соответственно, лишь практическая реализация теоретических знаний позволяет оценить их жизнеспособность и эффективность либо, напротив, выявить их ограниченность, пробел, недостаток, противоречие, спорность, устарелость, требующие корректировки и законодательного переосмысления.

Главное заключается в том, что теория и практика должны находиться в постоянном диалоге и единстве, что, к сожалению, пока остаётся лишь идеалом, к которому необходимо стремиться.

Так, например, институт исковой давности уже давно считается устоявшимся элементом гражданского права. Казалось бы, он не вызывает трудностей в применении, особенно для юристов, многократно сталкивавшихся с истечением срока исковой давности в судебной практике. Однако реальная правовая жизнь опровергает подобные упрощённые представления. Постоянно возникающие новые, ранее неизвестные обстоятельства и правовые ситуации вносят свои коррективы даже в базовые институты, требуя нового анализа и подходов как для судебного корпуса, так и для судебных представителей.

В этом контексте особо показательно содержание относительно «нового» Постановления Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П «По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда», в котором даны актуальные правовые ориентиры по применению института исковой давности [13].

Итак, зададим риторические, принципиальные вопросы: руководствуются ли все судьи нижестоящих судов разъяснениями, содержащимися в постановлениях Пленума и Президиума Верховного Суда РФ при рассмотрении и разрешении дел, вынесении решений и являются ли данные разъяснения обязательными для их применения?

В данном контексте с сожалением констатируем, что в судах общей юрисдикции – именно в первых и апелляционных инстанциях, отдельные судьи игнорируют разъяснения, содержащиеся в указанных постановлениях, даже когда они непосредственно касаются обстоятельств конкретного дела. Более того, известны случаи, когда в судебном заседании представитель стороны, обосновывая правовую позицию, ссылается на конкретное постановление Конституционного Суда РФ, имеющее высшую юридическую силу и прямое действие на всей территории Российской

Федерации, однако судья в мотивировочной части решения полностью игнорирует и эту правовую позицию, руководствуясь субъективным усмотрением.

Между тем, в статье 1 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (в ред. от 31.07.2023) «О Конституционном Суде Российской Федерации», прямо указано: «Конституционный Суд Российской Федерации – высший судебный орган конституционного контроля в Российской Федерации, осуществляющий судебную власть самостоятельно и независимо посредством конституционного судопроизводства в целях защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации на всей территории Российской Федерации» [16].

На этом фоне приведём ещё ряд конкретных примеров из судебной практики, свидетельствующих о существующей проблеме отсутствия единообразия в толковании и применении норм права, а также об игнорировании отдельных судьями разъяснений, содержащихся в постановлениях Пленума и Президиума Верховного Суда РФ, Обзорах судебной практики Верховного Суда РФ, где как раз аккумулируются ключевые правовые подходы к применению норм материального и процессуального права по спорным и иным категориям дел. Подобная практика является недопустимой.

Так, например, в связи с нарушением застройщиком – коммерческой организацией ООО срока передачи объекта долевого строительства, просрочка составила 451 день (с учётом неоднократных мораториев на начисление штрафных санкций по ДДУ фактическая просрочка составила 534 дня). На этом основании в 2023 году в соответствии с правилами подсудности в Черёмушкинский районный суд г. Москвы было подано исковое заявление.

Основными исковыми требованиями по делу № 02-211/2024 являлись следующие:

1. В соответствии с частью 2 статьи 6 Федерального закона от 30.12.2004 № 214-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости...» за нарушение предусмотренного договором срока передачи объекта долевого строительства (квартиры) участнику, взыскать с Ответчика – ООО – в пользу Истца неустойку (пени) за просрочку в размере 478 939,53 руб. за период с 02.01.2021 по 28.03.2022 (451 день).

2. В соответствии с пунктом 6 статьи 13 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 05.12.2022) «О защите прав потребителей», пунктами 2 и 46 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17, а также с Определением Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 22.10.2019 № 18-КГ19-101, согласно которым застройщик,

не исполнивший требования должника в добровольном порядке, обязан уплатить штраф в размере 50 % от присуждённой суммы, Истец просит взыскать с Ответчика штраф в размере 50 % от присуждённой суммы в связи с проигнорированием двух досудебных претензий в течение 451 дня.

3. В соответствии со статьями 150, 151 ГК РФ и статьёй 15 Закона РФ «О защите прав потребителей», Истец просит взыскать с Ответчика компенсацию морального вреда в размере 25 000 руб., исходя из расчёта 55 руб. 43 коп. за каждый из 451 дней просрочки ($25000 : 451 = 55,43$ руб.).

Ответчик ООО (коммерческая организация, как и многие недобросовестные застройщики, допустившие просрочку передачи объекта) ожидаемо не согласился с заявленными требованиями и представил в суд формальное возражение, не содержащее ни одного убедительного, подкреплённого доказательством довода. Оно и понятно, поскольку аргументировать просрочку сроком в 451 (а по факту 534) дня без объективных доказательств крайне затруднительно, особенно учитывая, что ответчик ранее проигнорировал две направленные ему истцом досудебные претензии.

Наиболее примечательно в этом плане то, что в нарушение требований ст.ст. 55–57 ГПК РФ ответчик не представил обоснованных возражений, подкреплённых допустимыми доказательствами, а просто в возражении сослался раза три на статью 333 ГК РФ, заявив:

- по первому требованию – просьбу снизить ему неустойку до 50 000 руб.;
- по второму – снизить штраф до 70 % от присуждённой суммы,
- по третьему требованию – отказать во взыскании компенсации морального вреда.

Представитель истца, обладая многолетним опытом практической деятельности предусмотрел вероятный сценарий ответчика и заранее включил в исковое заявление пункты 71 и 73 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (в ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений ГК РФ об ответственности за нарушение обязательств», в которых говорится следующее:

«Пункт 71. Если должником является коммерческая организация, индивидуальный предприниматель либо некоммерческая организация, осуществляющая приносящую доход деятельность, снижение неустойки судом допускается только по обоснованному заявлению такого должника, которое может быть сделано в любой форме (п. 1 ст. 2, п. 1 ст. 6, п. 1 ст. 333 ГК РФ).

Пункт 73. Бремя доказывания несоразмерности неустойки возлагается на ответчика. Несоразмерность может выражаться, в частности,

в том, что возможный размер убытков кредитора существенно ниже суммы начисленной неустойки (ч. 1 ст. 56 ГПК РФ, ч. 1 ст. 65 АПК РФ).

Доводы ответчика о невозможности исполнения обязательства вследствие тяжелого финансового положения, наличия задолженности перед другими кредиторами, наложения ареста на денежные средства или иное имущество ответчика, отсутствия бюджетного финансирования, неисполнения обязательств контрагентами, добровольного погашения долга полностью или в части на день рассмотрения спора, выполнения ответчиком социально значимых функций, наличия у должника обязанности по уплате процентов за пользование денежными средствами (например, на основании статей 317.1., 809, 823 ГК РФ) сами по себе не могут служить основанием для снижения неустойки».

Представитель истца в суде настаивал, что в отсутствие предоставления ответчиком суду обоснованного возражения о снижении неустойки по статье 333 ГК РФ, подкрепленного конкретными допустимыми доказательствами (ст.ст. 55-57 ГПК РФ), законных оснований для снижения ответчику неустойки в сочетании с пунктами 71, 73 разъяснений, указанных в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 N 7 (ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» не имеется.

Однако, несмотря на все законные и аргументированные доводы представителя истца, об отсутствии законных оснований у ответчика для снижения ему законной неустойки в виду отсутствия предоставленного обоснованного заявления, подкрепленного доказательствами согласно статьям 55-57 ГПК РФ, суд все же как обычно принял «Соломоново – половинчатое решение»: частично удовлетворил почти на половину все законные и обоснованные требования истца, соответственно частично удовлетворил без доказательственные возражения ответчика, снизив ему почти на 50 % неустойку и штраф. Тем самым судья по своему субъективному усмотрению не принял во внимание и не применил важные разъяснения, содержащиеся в пунктах 71, 73 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 N 7 (ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» для правильного рассмотрения дела, которые допускают снижение неустойки судом ответчику коммерческой организации только по обоснованному заявлению, иначе при предоставлении ответчиком суду мотивированных доказательств.

На закономерный, уважительный вопрос представителя истца после оглашения судьей резолютивной части судебного решения, «как такое решение могло быть принято в отсутствие у ответчика коммерческой

организации доказательств для снижения законной неустойки, судья ответил: «Такова практика суда апелляционной инстанции, которая Вам все равно бы снизила неустойку при обжаловании ответчиком решения суда первой инстанции». Да, действительно, «здравая», упреждающая логика.

Таким образом, дело для истца приняло уже принципиальный оборот.

Напомним, что в статье 195 ГПК РФ сказано:

«1. Решение суда должно быть законным и обоснованным.

2. Суд основывает решение только на тех доказательствах, которые были исследованы в судебном заседании».

При этом, в пунктах 3 и 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 N 23 (ред. от 23.06.2015) «О судебном решении» говорится:

«3. Решение является обоснованным тогда, когда имеющие значение для дела факты подтверждены исследованными судом доказательствами, удовлетворяющими требованиям закона об их относимости и допустимости, или обстоятельствами, не нуждающимися в доказывании (статьи 55, 59-61, 67 ГПК РФ), а также тогда, когда оно содержит исчерпывающие выводы суда, вытекающие из установленных фактов.

4. Поскольку в силу части 4 статьи 198 ГПК РФ в решении суда должен быть указан закон, которым руководствовался суд, необходимо указать в мотивировочной части материальный закон, примененный судом к данным правоотношениям, и процессуальные нормы, которыми руководствовался суд.

Суду следует учитывать следующие обязательные для применения источники правовых позиций и правовых норм:

а) постановления Конституционного Суда Российской Федерации, содержащие официальное толкование положений Конституции РФ, подлежащих применению в рассматриваемом деле, а также постановления о признании нормативных правовых актов соответствующими или не соответствующими Конституции РФ, в том числе актов, указанных в пунктах «а», «б», «в» части 2 и части 4 статьи 125 Конституции Российской Федерации, на которые стороны ссылаются при обосновании своих требований или возражений;

б) постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, принятые на основании статьи 126 Конституции РФ, содержащие обязательные для судов разъяснения по вопросам применения норм материального и процессуального права, подлежащих применению в конкретном судебном разбирательстве;

в) постановления Европейского Суда по правам человека, в которых содержится официальное толкование положений Конвенции о защите прав

человека и основных свобод, имеющих значение для разрешения настоящего дела.

Вывод. Решение суда первой инстанции и апелляционное определение, принятые вопреки обязательным для применения положениям пунктов 71 и 73 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (в ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств», были обжалованы в суд кассационной инстанции. Последний, рассмотрев доводы представителя Истца, согласился с аргументацией, отменил судебные акты нижестоящих инстанций в полном объёме и направил дело на новое рассмотрение в тот же районный суд в ином составе судей.

Особо показательно, что в аналогичном судебном деле о защите прав потребителя, рассмотренном тем же районным судом г. Москвы, по спору с тем же Застройщиком, другой судья, рассматривавший дело № 2-6589/23, принял во внимание пункты 71 и 73 указанного Постановления Пленума Верховного Суда РФ и обоснованно отказал Ответчику в снижении размера неустойки и штрафа, т.к. ответчик не представил суду допустимых доказательств.

Таким образом, по двум абсолютно одинаковым делам были вынесены два принципиально разных решения! Парадокс? Да, парадокс. И не надо искать в этом логики – ее просто нет, надо принять как есть.

Правовая позиция в судебной практике, когда суды первой и апелляционной инстанции учитывают при рассмотрении дела и вынесении решения разъяснения Постановлений Пленума Верховного Суда РФ пока остаётся скорее исключением, чем устоявшимся общим правилом. Это, в свою очередь, свидетельствует о проблеме отсутствия единообразия в толковании и применении судами первой и апелляционной инстанций норм права, что, вопреки принципу правовой определённости, умаляет доверие граждан к судебной системе и нарушает фундаментальный принцип в обществе о судебной справедливости.

Такая судебная практика не только не поддается рациональному объяснению и логике, но и противоречит требованиям законности и обоснованности судебных решений (статья 195 ГПК РФ), что справедливо вызывает недовольство со стороны добросовестных истцов и у их специалистов – судебных представителей.

Иначе говоря, суды нередко не учитывают реальные последствия нарушения обязательств, их длительность, при определении размера взыскиваемой неустойки, штрафа. Безосновательное занижение судами в двое размера взыскиваемой законной либо договорной неустойки, штрафа, влечёт за собой вынесение заведомо несправедливых решений, что можно

фактически расценить как потворство нарушениям со стороны недобросовестных должников, заранее знающих судебную практику, что бояться им полной имущественной ответственности не стоит, т.к. суды даже в отсутствие предоставления ответчиком доказательств, все равно снижают им вдвое по статье 333 ГК РФ неустойку и штраф.

Кто-то из теоретиков может сказать, что при несогласии с решением суда первой инстанции можно его обжаловать. Да, верно. Однако ответим, подобный подход не может считаться надлежащим, поскольку влечёт за собой многолетнюю судебную волокиту, в течение которой добросовестная сторона вынуждена доказывать очевидное и понятное. Не лучше ли законодательно пресечь судебные ошибки, чем их истцам годами исправлять?

Тот, кто хотя бы раз самостоятельно прошёл судебный «путь» от первой до надзорной инстанции знает не понаслышке, что это не просто процесс обжалования 3-4 года, это – образ жизни.

В данном контексте считаем рациональнее и логичнее было бы установить на законодательном уровне обязательные требования к судьям о запрете субъективного судебного толкования (интерпретирования) норм материального и процессуального права, безусловному и буквальному соблюдению толкования и содержания норм материального и процессуального права, вынесению судебных решений в строгом соответствии с содержанием и смыслом норм материального и процессуального права, правовыми позициями, содержащимися в постановлениях Пленума и Президиума Верховного Суда РФ. Данные законодательные меры, несомненно, повысили бы уровень доверия граждан к судебной системе, привели бы к снижению количества обжалований и укрепили бы правовую определённость.

В этом ключе представляется особенно важным законодательное закрепление положения, согласно которому разъяснения, содержащиеся в постановлениях Пленума и Президиума Верховного Суда РФ, являются судебными прецедентами и обязательными источниками судебного права для всех судов и судей Российской Федерации.

Такой шаг позволил бы устранить практику вынесения так называемых «соломоновых», компромиссных-половинчатых решений, в рамках которых судьи, стремясь формально «угодить» обеим сторонам процесса в итоге нарушают принцип законности и справедливости. Это также устранило бы правовой абсурд, когда по идентичным делам, рассмотренным в одном и том же суде, разные судьи выносят противоположные по содержанию судебные акты, субъективно интерпретируя в них нормы материального права, искажая их смысл и содержание. Наличие подобных

противоречий в судебной практике нарушает требования единства правоприменения и не поддаётся логическому объяснению.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что в действующей судебной практике отсутствует единообразие в вопросе обязательности применения судами разъяснений, содержащихся в постановлениях Пленума и Президиума Верховного Суда РФ. К сожалению, некоторые судьи продолжают воспринимать эти правовые позиции как факультативные, а не императивные указания к действию.

Между тем следует напомнить, что конституционно закреплённая значимость полномочий Верховного Суда РФ по даче разъяснений по вопросам судебной практики прямо отражена в статье 126 Конституции Российской Федерации, которая имеет прямое действие: «Верховный Суд Российской Федерации является высшим судебным органом по гражданским делам, экономическим спорам, уголовным, административным и иным делам, подсудным судам общей юрисдикции и арбитражным судам, образованным в соответствии с федеральным конституционным законом. Верховный Суд Российской Федерации осуществляет в предусмотренных федеральным законом процессуальных формах судебный надзор за деятельностью судов общей юрисдикции и арбитражных судов и даёт разъяснения по вопросам судебной практики».

Следовательно, разъяснения, содержащиеся в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, принятые в соответствии со статьёй 126 Конституции РФ, являются правовыми позициями, обязательными для применения судами при рассмотрении конкретных дел. Их назначение – предотвращение судебных ошибок и обеспечение единообразия правоприменительной практики.

Как справедливо отмечает секретарь Пленума, судья Верховного Суда Российской Федерации В.В. Демидов один из сторонников признания судебного прецедента источником судебного права – постановления Пленума и Президиума Верховного Суда РФ играют ключевую роль в стабилизации судебной практики по рассмотрению и разрешению гражданских и иных категорий дел. Эти акты оказывают существенную методологическую помощь судьям при применении норм материального и процессуального законодательства.

Основной целью постановлений Пленума Верховного Суда РФ является привлечение внимания нижестоящих судов к необходимости точного и единообразного толкования законодательства, а также к обязательности разрешения споров в строгом соответствии с действующим федеральным законодательством и общепризнанными принципами и нормами международного права. Постановления Пленума представляют собой нормативный ориентир, подлежащий обязательному учёту судами при вынесении

законных, обоснованных и справедливых судебных актов – решений, определений, приговоров и постановлений [4, с.24-25].

Далее, В.В. Демидов совершенно обоснованно задаётся логическим вопросом: если разъяснения Пленума не являются обязательными для судов, то зачем вообще было закреплять на конституционном уровне полномочие Верховного Суда РФ давать такие разъяснения? И каков тогда смысл их существования, если ими можно пренебрегать?

В пользу обязательности применения разъяснений Пленума Верховного Суда РФ можно привести ещё один весомый аргумент. Прежде чем будет принято постановление Пленума по конкретной категории дел, осуществляется комплексная подготовительная работа, включающая:

- изучение судебной статистики и обобщение материалов Верховного Суда РФ и нижестоящих судов;
- выезды судей Верховного Суда в субъекты Российской Федерации для анализа реальной практики;
- сбор информации из Верховных судов республик, краевых, областных и иных судов общей юрисдикции;
- анализ типичных ошибок в правоприменении и возникающих у судов вопросов по применению законодательства.

На основании собранных материалов, при участии представителей профильных министерств, ведомств и научного сообщества, разрабатывается проект постановления Пленума, содержащий разъяснения по наиболее актуальным правовым вопросам. Указанный проект:

- направляется в нижестоящие суды для получения отзывов;
- обсуждается в судебных коллегиях Верховного Суда РФ;
- рассматривается на заседании Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ;
- дорабатывается с учётом предложенных поправок.

Таким образом, разъяснения Пленума представляют собой результат глубокой аналитической и экспертной работы, направленной на обеспечение качества правосудия.

Нельзя не отметить, что значение постановлений Пленума как инструмента правовой ориентирующей функции в судебной практике неуклонно возрастает – особенно в условиях частого обновления законодательства, включая принятие новых редакций Гражданского кодекса РФ, Гражданского процессуального кодекса РФ, Уголовного кодекса РФ и иных федеральных законов.

С рациональными, правильными и логическими выводами компетентного и опытного судьи В.В. Демидова трудно не согласиться. Его позиция, основанная на обширном профессиональном опыте в высшей судебной инстанции, абсолютно обоснованна: каждый судья

при рассмотрении дела обязан учитывать разъяснения, содержащиеся в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. Эти разъяснения по своей сути являются судебным прецедентом – источником судебного права, обязательным для применения всеми судами.

В противном случае, как подчёркивает В.В. Демидов, игнорирование таких разъяснений неизбежно приведёт к судебной ошибке, что повлечёт за собой изменение либо отмену судебного акта. Та же логика распространяется не только на уголовные, но и на гражданские, трудовые, семейные, административные и иные дела [5, с.3].

Кстати, сторонником судебного прецедента в качестве источника судебного права и в частности, признания в качестве таковых постановлений Конституционного суда РФ последовательно выступал председатель Конституционного суда РФ В.Д. Зорькин, чей многолетний, высокий юридический профессионализм, практический опыт и знания вряд ли кто-то рискнет подвергнуть сомнению [6, с.3-4]. Объективности ради следует отметить, что и бывший председатель Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, имеющий колоссальный судебный, юридический опыт и компетентность А.А. Иванов также солидарен с судьей Верховного суда РФ В.В. Демидовым, бывшим председателем Конституционного суда РФ В.Д. Зорькиным в вопросе законодательного закрепления судебного прецедента в качестве источника права. А.А. Иванов постоянно отстаивал построение в России единой прецедентной системы в сфере процессуального права, что лишний раз подтверждает актуальность и объективную необходимость законодательного признания на сегодняшний день судебного прецедента в качестве источника права [7].

В условиях постоянно растущего количества изменений, дополнений и поправок, вносимых в Конституцию Российской Федерации, действующие кодексы и федеральные законы, всё больше практикующих юристов, учёных-правоведов осознают значимость и необходимость законодательного закрепления правовой природы разъяснений, содержащихся в постановлениях Пленумов Верховного Суда РФ, в качестве судебного прецедента – источника судебного права. Такая инициатива направлена на оказание методической помощи судьям, предупреждение судебных ошибок, обеспечение правильного толкования и применения правовых норм, а также стабилизацию единой судебной практики при рассмотрении гражданских и иных категорий дел.

Законодательное признание постановлений Пленума Верховного Суда РФ в качестве источников судебного права способствовало бы вынесению судами законных, обоснованных и юридически справедливых судебных актов в строгом соответствии с содержанием норм материального,

процессуального права, действующим федеральным законодательством, а также общепризнанными принципами и нормами международного права.

В этой связи представляется обоснованной позиция и А.А. Барсуковой, которая отмечает: «Мы предлагаем разрешить данную проблему путём обязательного закрепления характера постановлений Пленума Верховного Суда на законодательном уровне – через внесение изменений в статьи 120 и 126 Конституции Российской Федерации, посвящённые Верховному Суду РФ» [2, с.168].

Поддерживает эту позицию и В.В. Оробинский, подчёркивая, что прецеденты вносят справедливость и определённую в закон. Если суды не будут следовать прецедентам и каждый судья будет заново решать аналогичные правовые вопросы без учёта предыдущих решений, закон утратит свою определённость [8, с.12-16].

Соответственно, законодательное закрепление разъяснений, содержащихся в постановлениях Пленума и Президиума Верховного Суда РФ, в качестве судебных прецедентов, обязательных для исполнения всеми судами, станет надёжной правовой гарантией по снижению субъективных судебных ошибок, а далее вообще их не допущению, а следовательно, будет способствовать укреплению доверия граждан к судебной власти, вынесению справедливых судебных решений.

Отрицание наличия в судебной практике неопределённости, субъективных ошибок при рассмотрении однотипных дел, основанных на одних и тех же доказательствах, когда по аналогичным фактам выносятся противоположные решения, означает сознательное игнорирование реальности, наличие проблемы. Однако историей жизни доказано, там, где закрываются глаза на проблему, последняя только усугубляется. Проблему необходимо решать, а не делать вид, что ее нет. На необходимость устранения таких противоречий и ошибок неоднократно указывает сам Верховный Суд Российской Федерации в своих систематических разъяснительных постановлениях, позициях.

Таким образом, по нашему мнению, отсутствие в статье 126 Конституции Российской Федерации, а также в ГПК РФ, АПК РФ, УПК РФ и Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации нормы о том, что разъяснения, содержащиеся в постановлениях Пленума и Президиума Верховного Суда РФ, являются судебными прецедентами и подлежат обязательному применению при рассмотрении дел и вынесении судебных решений, представляет собой существенный пробел в российском процессуальном законодательстве, который приводит к повторяющимся судебным ошибкам из года в год.

В заключение, подытоживая изложенное и опираясь на судебную практику, постановления Конституционного Суда РФ и Верховного Суда

РФ, позиции Председателей высших судебных инстанций, судей Верховного Суда Российской Федерации, а также на мнение большинства учёных-правоведов и практикующих юристов, в целях формирования единой и унифицированной гражданской процессуальной формы предлагаем следующее.

1. Внести изменения в статью 126 Конституции Российской Федерации, дополнив её после слов:

«Верховный Суд Российской Федерации является высшим судебным органом по гражданским делам, разрешению экономических споров, уголовным, административным и иным делам, подсудным судам общей юрисдикции и арбитражным судам, образованным в соответствии с федеральным конституционным законом и осуществляющим судебную власть посредством гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства. Верховный Суд Российской Федерации осуществляет в предусмотренных федеральным законом процессуальных формах судебный надзор за деятельностью судов общей юрисдикции и арбитражных судов и даёт разъяснения по вопросам судебной практики...» добавить формулировку:

«...Данные разъяснения подлежат обязательному применению всеми нижестоящими судами при рассмотрении дел и вынесении судебных решений, определений, постановлений».

2. Внести изменения в статью 3 «Единство судебной системы» Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (в ред. от 16.04.2022) «О судебной системе Российской Федерации», изложив абзац четвёртый в следующей редакции:

«Единство судебной системы Российской Федерации обеспечивается посредством: применения всеми судами Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов, общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации, разъяснений по вопросам судебной практики, содержащихся в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ и постановлениях Президиума Верховного Суда РФ, а также конституций (уставов) и иных законов субъектов Российской Федерации».

3. Внести изменения в пункт 1 части 7 статьи 2 «Полномочия Верховного Суда Российской Федерации» Федерального конституционного закона от 05.02.2014 № 3-ФКЗ (в ред. от 14.07.2022) «О Верховном Суде Российской Федерации», дополнив его новым абзацем следующего содержания:

«1) В целях обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации Верховный Суд Российской Федерации даёт

судам разъяснения по вопросам судебной практики на основе её изучения и обобщения, которые являются обязательными для руководства всеми судами при рассмотрении дел и вынесении судебных решений, определений и постановлений».

4. Внести изменения в часть 1 статьи 11 «Нормативные правовые акты, применяемые судом при разрешении гражданских дел» Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, изложив её в следующей редакции:

«1. Суд разрешает гражданские дела на основании Конституции Российской Федерации, международных договоров Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов, нормативных правовых актов Президента Российской Федерации, постановлений Правительства Российской Федерации, нормативных правовых актов федеральных органов государственной власти, конституций (уставов), законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, нормативных правовых актов органов местного самоуправления, а также разъяснений по вопросам судебной практики, содержащихся в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ и постановлениях Президиума Верховного Суда РФ. В предусмотренных законом случаях суд может применять обычаи делового оборота».

5. Внести изменения и дополнения в часть 1 статьи 13 «Нормативные правовые акты, применяемые при рассмотрении дел» Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, изложив её в следующей редакции:

«1. Арбитражные суды рассматривают дела на основании Конституции Российской Федерации, международных договоров Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов, нормативных правовых актов Президента Российской Федерации, нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации, разъяснений по вопросам судебной практики, содержащихся в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ и постановлениях Президиума Верховного Суда РФ, нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, конституций (уставов), законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, а также актов органов местного самоуправления».

6. Внести изменения и дополнения в часть 1 статьи 2 «Законодательство об административном судопроизводстве» Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (в ред. от 28.12.2024), изложив её в следующей редакции:

«1. Порядок осуществления административного судопроизводства определяется Конституцией Российской Федерации, Федеральным

конституционным законом от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ "О судебной системе Российской Федерации", Федеральным конституционным законом от 23 июня 1999 года № 1-ФКЗ "О военных судах Российской Федерации", Федеральным конституционным законом от 7 февраля 2011 года № 1-ФКЗ "О судах общей юрисдикции в Российской Федерации", разъяснениями по вопросам судебной практики, содержащимися в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ и постановлениях Президиума Верховного Суда РФ, настоящим Кодексом и иными федеральными законами».

7. Внести изменения и дополнения в часть 1 статьи 1 «Законы, определяющие порядок уголовного судопроизводства» Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 28.12.2024, с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025), изложив её в следующей редакции:

«1. Порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации определяется настоящим Кодексом, основанным на Конституции Российской Федерации, а также разъяснениями по вопросам судебной практики, содержащимися в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ и постановлениях Президиума Верховного Суда РФ».

Законодательное закрепление предложенных нами норм о признании разъяснений, содержащихся в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ и Президиума Верховного Суда РФ, в качестве судебного прецедента – источника судебного права, а также их обязательности для всех нижестоящих судов при рассмотрении и разрешении гражданских, административных, уголовных и иных дел, вынесении судебных постановлений, станет значимой гарантией обеспечения единства правоприменения и соблюдения прав и законных интересов граждан и организаций, что в свою очередь приведёт к снижению нагрузки на суды всех уровней, особенно при повторных рассмотрениях дел после отмены решений нижестоящих инстанций.

Обязательное применение разъяснений, изложенных в Обзорах судебной практики Верховного Суда Российской Федерации и утверждённых Президиумом Верховного Суда РФ, придаст всей системе правосудия устойчивость и предсказуемость, что неизбежно отразится на принятии законных, обоснованных и юридически справедливых судебных актов.

Судебные решения станут более предсказуемыми и понятными как для граждан и организаций, так и для профессионального юридического сообщества. Всё это будет способствовать повышению уровня доверия общества к судебной системе, снижению количества обжалований судебных актов, укреплению устойчивости и созданию единой судебной практики по аналогичным делам, правовой определённости и предсказуемости как

одного из ключевых принципов правового государства, основанного на неукоснительном соблюдении всеми должностными лицами, гражданами норм закона.

Список литературы:

1. Азаркин, Н.М. Всеобщая история юриспруденции: курс лекций / Н.М. Азаркин. – М.: Юрид. лит., 2003. – 133 С.
2. Барсукова, А.А. Роль Постановлений Пленума Верховного Суда РФ в системе источников уголовного права// Юриспруденция. – 2020. – С.168.
3. Большой энциклопедический словарь (БЭС) / гл. ред. А.М. Прохоров. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Науч. изд-во «Большая Российская энциклопедия»; СПб.: НОРИНТ, 2004. – 957 С.; Тихомиров, М.Ю. Юридическая энциклопедия / М.Ю. Тихомиров. – 3-е изд., доп. и перераб. – М. : ЮРИН-ФОРМЦЕНТР, 1995. – 231 С.
4. Демидов В.В. О роли и значении постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс] / В.В. Демидов. – URL: <https://vsrf.ru/files/11552/> (дата обращения: 17.05.2023).
5. Демидов В.В. Обязательны ли для судей разъяснения постановлений Пленума Верховного Суда РФ // Адвокатские вести. 2004. № 1. -С.3; Демидов В.В. Обязательны ли для судей разъяснения постановлений Пленума Верховного Суда РФ? // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1998.- № 3. – С.24–25; смотри также: Лазарев В.В., Гаджиев Х.И. Основные источники (формы) судебного права // Журнал российского права. 2022. № 9. -С.5-22; Подольская Н.А. К вопросу о понятии прецедента как источника права // Судебная практика как источник права. М.: Юрист, 2000. -С.150–152; Петрушев В.А. Обладают ли разъяснения Верховного Суда РФ по вопросам судебной практики обязательной силой // Законы России. 2008. № 3. -С.74–76; Луцевич С.С. Судебный прецедент и перспективы его признания в качестве источника права в официальной российской правовой доктрине: Автореф. дис.. канд. юрид. наук. – Краснодар, 2008. -С.28; Сипулин С.В. Судебный прецедент как источник права: Автореф. дис. канд. юрид. наук. – Краснодар, 2008. – С.1-27.
6. Зорькин, В.Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда РФ // Журнал российского права. – 2004. – № 12. – С.3-4
7. ПРАВО.RU: Речь Антона Иванова о прецедентном праве. Кто был против? [Электронный ресурс]. – URL: <http://pravo.ru/review/view/26629/> (дата обращения: 17.05.2023).
8. Орбинский, В.В. Английское договорное право. Просто о сложном. – М.: Феникс, 2020. – С.12-16.

9. Парог, А.И. Правовое значение разъяснений Пленума Верховного Суда РФ // Государство и право. – 2001.- № 2.- С. 53 ; см. также: Гребнев, Р.Д. Роль и место судебных актов в правотворческом процессе// Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2020. – № 2. – С.23–35; Филимонова, А.И., Кулакова, О.С. Кто есть суд: правоинтерпретатор или правотворец? // Российский судья. – 2021. – № 7. – С.7–12.
10. Энциклопедия афоризмов и мыслей великих людей /сост. А.Семенов. – М.: АСТ; Донецк: Сталкер, 2007. – С.773.
11. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) (вместе с Протоколом № 1 (Подписан в г. Париже 20.03.1952), Протоколом № 4 (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), Протоколом № 7 (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // Собрание законодательства РФ, 08.01.2001, № 2, ст. 163.
12. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2015): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.11.2015 (ред. от 28.03.2018) // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 3, март, 2016 (начало), Бюллетень Верховного Суда РФ, № 4, апрель, 2016 (окончание), Бюллетень Верховного Суда РФ, № 6, июнь, 2017 (поправка).
13. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П «По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда» // Собрание законодательства РФ, 11.11.2024, № 46, ст. 7029.
14. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019) (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза). Текст документа опубликован на официальном сайте Евразийского экономического союза <http://www.eaeunion.org/>, 12.04.2017.
15. Федеральный закон от 30.04.2010 № 68-ФЗ (ред. от 05.12.2022) «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Собрание законодательства РФ, 03.05.2010, № 18, ст. 2144.
16. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 25.07.1994, № 13, ст. 1447.

1.3. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО РЕЖИМА ПРИ ЗАКУПКАХ БЮДЖЕТНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ ТОВАРОВ САНИТАРНО- ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Сибирная Ксения Викторовна

*студент,
Новосибирский государственный
университет экономики
и управления «НИИХ» (НГУЭУ),
РФ, г. Новосибирск*

PROBLEMS WITH THE IMPLEMENTATION OF THE NATIONAL REGIME IN THE PROCUREMENT OF SANITARY AND EPIDEMIOLOGICAL GOODS BY PUBLIC INSTITUTIONS

Ksenya Sibirnaya

*Student,
Novosibirsk State University of Economics
and Management "NINH" (NSUEM),
Russia, Novosibirsk*

Аннотация. Статья посвящена анализу проблем реализации национального режима при закупках товаров санитарно-эпидемиологического назначения бюджетными учреждениями. Цель исследования – выявить правовые и практические барьеры, затрудняющие приоритет отечественных товаров. Задачи – оценка применения норм законодательства и разработка предложений по совершенствованию закупочной политики в условиях обеспечения санитарной безопасности.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the problems of implementing the national regime in the procurement of sanitary and epidemiological goods by public institutions. The purpose of the study is to identify legal and practical barriers that hinder the priority of domestic goods. The objectives are to

assess the application of legal norms and develop proposals for improving procurement policies in the context of ensuring sanitary safety.

Ключевые слова: закупки, национальный режим, бюджетное учреждение.

Keywords: procurement, national regime, and budgetary institutions.

Современные бюджетные учреждения играют ключевую роль в обеспечении санитарно-эпидемиологической безопасности населения. Для выполнения этой задачи государственные и муниципальные организации закупают необходимые товары – от средств индивидуальной защиты до дезинфицирующих препаратов. Национальный режим, направленный на поддержку отечественных производителей, является важным инструментом в этой системе. Тем не менее, его практическое применение часто осложняется рядом юридических и организационных препятствий. Цели и задачи исследования. Данная статья направлена на выявление и анализ основных сложностей, возникающих при реализации национального режима в закупках санитарно-эпидемиологических товаров бюджетными учреждениями. Основными задачами являются: исследование нормативной базы, оценка практических трудностей и поиск решений, способствующих более эффективному применению национального режима.

1. Нормативно-правовая база.

Государственные закупки в России регулируются двумя основными законами: Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [2, ст. 1652.] и Федеральным законом от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» [1, ст. 4571]. Первый из них принят в 2013 году и охватывает закупки, осуществляемые органами власти и бюджетными учреждениями. Одна из ключевых характеристик Федерального закона № 44-ФЗ – это строгие требования к процедурам закупок на всех стадиях, что подразумевает наличие различных санкций за нарушения. Указанные требования делают процесс прозрачным и подотчетным, однако, высокая степень формализма может создавать определенные сложности, как для поставщиков, так и для заказчиков [7, с. 634]. С 1 января 2025 г. введен единый порядок предоставления национального режима для закупок по законам № 44-ФЗ [2, ст. 1652.] и № 223-ФЗ [1, ст. 4571]. Постановлением Правительства РФ № 1875 от 23.12.2024 «О мерах по предоставлению национального режима при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» [3, ст.8704]

утверждены перечни товаров, работ и услуг иностранного происхождения, для которых устанавливаются запреты, ограничения или преимущества для отечественной продукции [6, с. 120].

2. Основные сложности при реализации национального режима.

Несмотря на наличие четко прописанных правил, в реальной практике закупок часто возникают проблемы:

- Документальное подтверждение происхождения товара. В процессе проведения тендеров заказчики сталкиваются с трудностями при проверке достоверности сертификатов и других подтверждающих документов, что тормозит процесс закупок и ведет к конфликтам с поставщиками.

- Ограниченность ассортимента отечественных товаров. Не все необходимые для санитарно-эпидемиологической деятельности товары выпускаются российскими предприятиями в достаточном объеме и с требуемыми характеристиками. Это вынуждает закупать иностранные аналоги, что противоречит принципам национального режима.

3. Влияние международных соглашений и экономическая составляющая.

Реализация национального режима также осложняется участием России в международных экономических объединениях, таких как Евразийский экономический союз (ЕАЭС). С одной стороны, эти соглашения обязывают членов обеспечивать свободное движение товаров внутри союза, что ограничивает возможности предоставления преимуществ только российским товарам. С другой стороны, баланс между поддержкой отечественных производителей и соблюдением международных обязательств, требует гибких и продуманных решений [4, с. 197]. Кроме того, экономическая составляющая играет важную роль: зачастую отечественные производители не могут конкурировать по цене с зарубежными аналогами, особенно при закупках в больших объемах. Это требует дополнительного стимулирования производства и внедрения механизмов компенсации для заказчиков.

4. Пути совершенствования. Для повышения эффективности реализации национального режима при закупках бюджетных учреждений рекомендуется:

- Создать единый цифровой каталог отечественных производителей с подтвержденным качеством и происхождением продукции, что упростит проверку для заказчиков.

- Разработать обучающие программы и методические материалы для специалистов, занимающихся закупками, с акцентом на нюансы национального режима.

- Усилить государственную поддержку и стимулирование

производства санитарно-эпидемиологических товаров внутри страны.

- Внедрить систему мониторинга закупок с оценкой соблюдения национального режима и анализом возникающих проблем.

- Разработать механизмы учета международных обязательств в процессе формирования закупочной политики, позволяющие учитывать интересы отечественных производителей и экономическую целесообразность [5, с. 55].

Для эффективного обеспечения бюджетных учреждений товарами санитарно-эпидемиологического назначения при соблюдении национального режима необходимо внести ряд системных изменений в закупочную политику. Ниже представлены ключевые направления, способствующие оптимизации данного процесса:

- 1) Централизация и стандартизация процедур закупок.
- 2) Создание единой централизованной платформы для проведения закупок позволит стандартизировать требования к подтверждению происхождения товаров и обеспечит прозрачность процедур. В рамках такой платформы возможно внедрение автоматизированной проверки документов и сертификатов, что сократит временные и административные затраты.

- 3) Развитие и поддержка отечественного производства.

- 4) Для повышения конкурентоспособности российских производителей следует расширять государственные программы поддержки, включая субсидирование, налоговые льготы и гранты на инновационные разработки. Особое внимание необходимо уделять производству специализированных санитарно-эпидемиологических товаров, которые в настоящее время испытывают дефицит на внутреннем рынке.

- 5) Повышение квалификации специалистов заказчиков. Как отмечает автор Шаймухаметова Лиана Рафисовна в своей статье, при реализации норм о национальном режиме в закупках, заказчики неверно указывают основания для отклонения заявок участников, содержащих предложения о поставке иностранных товаров [8, с. 490].

- 6) Организация регулярных обучающих мероприятий, семинаров и вебинаров для сотрудников бюджетных учреждений, отвечающих за закупки, позволит повысить уровень их компетенции в области национального режима и требований законодательства. Это поможет снизить количество ошибок и конфликтных ситуаций в процессе проведения закупочных процедур.

- 7) Внедрение мониторинга и аналитики исполнения национального режима.

- 8) Создание системы мониторинга закупок с возможностью анализа соблюдения национального режима позволит своевременно

выявлять проблемы и оперативно реагировать на них. Аналитические отчеты помогут корректировать политику закупок и формировать рекомендации по улучшению практик закупок.

9) Согласование закупочной политики с международными обязательствами.

10) С учетом участия России в международных экономических союзах необходимо разрабатывать гибкие механизмы, которые позволят соблюдать требования национального режима, не нарушая международных договоров. Важно обеспечить баланс между поддержкой отечественных производителей и выполнением международных обязательств.

11) Формирование базы данных проверенных отечественных производителей.

12) Создание и регулярное обновление специализированного реестра российских предприятий, подтвержденных в качестве поставщиков товаров санитарно-эпидемиологического назначения, упростит процесс отбора поставщиков для заказчиков и повысит доверие к отечественной продукции.

Национальный режим в сфере закупок санитарно-эпидемиологических товаров – важный элемент государственной политики, направленный на развитие отечественного производства и укрепление санитарной безопасности. Однако для его успешного функционирования необходимо устранить существующие препятствия, связанные с подтверждением происхождения, ассортиментом продукции и компетенциями заказчиков. Только комплексный подход позволит обеспечить эффективное использование национального режима и повысить качество государственных закупок.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // Российская газета. – № 80. – 2013 // «Собр. Законодательства РФ». – № 14. – 2013. – ст. 1652.
2. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Российская газета. – № 159. – 2011 // «Собр. Законодательства РФ». – № 30 (ч.1). – 2011. – ст. 4571.
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2024 г. № 1875 «О мерах по предоставлению национального режима при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // «Собр. Законодательства РФ». – № 53 (Часть I). – 2024. – ст. 8704.

4. Андреева Л.В. Государственные закупки в России: правовое регулирование и меры по его совершенствованию. Общество с ограниченной ответственностью «Проспект». – г. Москва, 2023. – 232 с.
5. Мякинкова М.В. Национальный режим при осуществлении закупок: проблематика и перспективы новаций. Образование. Наука. Научные кадры. – г. Москва, 2024. № 3. С. 53–57.
6. Неверова В.Е. Унификация национального режима в контрактной системе Российской Федерации. Вестник Бурятского государственного университета. – г. Хабаровск, 2025. №2. С 119-123.
7. Сычугов В.Г. Изменение национального режима при закупках по 44-ФЗ и 223-ФЗ в 2025 году. Журнал Молодой ученый. – г. Москва, 2024. № 49 (548). С. 633-636.
8. Шаймухаметова Л.Р. О практических вопросах, возникающих при применении национального режима в закупках. Вопросы Российской юстиции. – г. Уфа, 2025. № 36. С. 486-493.

ПРИОБРЕТЕНИЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА САМОВОЛЬНУЮ ПОСТРОЙКУ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Шевлюгина Анастасия Александровна

*магистрант,
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Донбасский государственный
университет юстиции»,
РФ, г. Донецк*

ACQUISITION OF OWNERSHIP OF AN UNAUTHORIZED BUILDING: THEORETICAL AND PRACTICAL ISSUES IN THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

Shevlyugina Anastasia Alexandrovna

*Master's student,
Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education "Donbass
State University of Justice",
Russia, Donetsk*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы приобретения права собственности на самовольную постройку в рамках российского гражданского законодательства, анализируется судебная практика, предлагаются рекомендации по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики в данной сфере.

Abstract. The article discusses the acquisition of ownership of an unauthorized building under Russian civil law, analyzes judicial practice, and provides recommendations for improving legislation and law enforcement in this area.

Ключевые слова: самовольная постройка, право собственности, признание права собственности, гражданское законодательство, судебная практика, органы местного самоуправления, земельный участок, существенные нарушения, безопасность.

Keywords: unauthorized construction, ownership rights, recognition of ownership rights, civil legislation, judicial practice, local governments, land, significant violations, security.

Проблема самовольного строительства является одной из наиболее актуальных в современной России. Стремительное развитие городов, дефицит доступного жилья, а также сложность и длительность процедур получения разрешительной документации приводят к увеличению числа самовольных построек. Регулирование этого вопроса представляет собой сложную задачу, требующую баланса между защитой прав собственников земельных участков, обеспечением безопасности граждан и предотвращением незаконного строительства.

Согласно статье 222 ГК РФ, самовольной постройкой считается жилой дом, иное строение, сооружение или иное недвижимое имущество, возведённое на земельном участке, который не был выделен для таких целей в установленном законом порядке, либо такое, что построено без необходимых разрешений либо с серьёзными нарушениями градостроительных и строительных норм и правил [2, с. 138].

Из этого определения можно выделить три основных признака самовольной постройки:

1. Отсутствие прав на земельный участок: постройка возведена на земельном участке, который не предназначен для данного вида строительства, либо права на участок оформлены ненадлежащим образом.
2. Отсутствие необходимых разрешений: застройщик не получил разрешение на строительство или реконструкцию объекта, предусмотренное действующим законодательством.
3. Нарушение строительных и градостроительных норм и правил: в процессе возведения строения допущены значительные нарушения,

которые представляют угрозу для жизни и здоровья людей, а также могут посягать на права и законные интересы третьих лиц [3, с. 43].

Стоит подчеркнуть, что наличие хотя бы одного из указанных признаков достаточно для признания здания самовольной постройкой.

Согласно пункту 3 статьи 222 ГК РФ, право собственности на самовольное строение может быть подтверждено судом, а в случаях, предусмотренных законом, – иным установленным законом способом, если строение возведено на земельном участке, который находится в собственности, пожизненном наследуемом владении или в постоянном (бессрочном) пользовании данного лица [2, с. 138].

Для признания права собственности на самовольную постройку необходимо соблюдение следующих условий:

1. Наличие права на земельный участок: лицо, обратившееся в суд с иском о признании права собственности, должно обладать правом собственности, пожизненного наследуемого владения или постоянного (бессрочного) пользования на земельный участок, на котором расположена постройка.

2. Соответствие постройки предельным параметрам разрешенного строительства: сохранение постройки не должно нарушать права и охраняемые законом интересы других лиц, а также не должно создавать угрозу жизни и здоровью граждан.

3. Принятие мер к легализации: лицо, осуществившее самовольную постройку, должно предпринять разумные меры для получения необходимых разрешений на строительство и приведения постройки в соответствие с градостроительными и строительными нормами и правилами.

Судебная практика показывает, что суды достаточно строго подходят к оценке соблюдения данных условий. В частности, особое внимание уделяется соответствию постройки требованиям безопасности и отсутствию нарушений прав третьих лиц. Признание постройки самовольной может повлечь за собой значительные неблагоприятные последствия. Согласно пункту 2 статьи 222 ГК РФ, лицо, которое возвело такое сооружение без соответствующего разрешения, не получает права собственности на него. В этом случае возведённое строение должно быть снесено самим застройщиком за собственный счёт, за исключением ситуаций, оговоренных в пункте 3 данной статьи. Таким образом, самовольная постройка, по общему правилу, подлежит сносу. Однако, как уже отмечалось, существует возможность признания права собственности на самовольную постройку при соблюдении определенных условий.

Анализ судебной практики по делам о признании права собственности на самовольную постройку показывает, что суды, применяя нормы

ГК РФ, а также Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 44, учитывают следующие факторы:

1. Наличие у истца законных прав на земельный участок: суд проверяет наличие у истца правоустанавливающих документов на земельный участок, а также соответствие целевого назначения земельного участка виду разрешенного использования.

Если данное условие не будет соблюдено застройщиком, данное основание может послужить поводом для органов местного самоуправления и органов государственной власти обращения в судебные органы, с целью сноса самовольный построй. Как показывает анализ судебной практики, существует проблема, когда земельный участок находится во владении и пользовании гражданина, но права на него надлежащим образом не оформлены. Таким образом, возведение самовольной постройки на не предоставленном для данных целей земельном участке, находящемся в муниципальной или государственной собственности, может повлечь убытки для местного или государственного бюджета, в виду недополучения доходов от распоряжения данным земельным участком, занятым под объектом самовольного строительства, который мог бы быть передан в аренду или продан в соответствии с условиями законодательства России.

2. Соответствие постройки требованиям безопасности: суд назначает строительную экспертизу для определения соответствия постройки градостроительным и строительным нормам и правилам, а также требованиям безопасности.

3. Отсутствие нарушений прав третьих лиц: суд исследует вопрос о том, не нарушает ли самовольная постройка права и законные интересы других лиц, в частности, собственников соседних земельных участков.

4. Действия истца по легализации построенного объекта: суд рассматривает усилия истца, направленные на получение необходимых разрешений и приведение постройки в соответствие с действующим законодательством. Вместе с тем, следует учитывать, что отсутствие разрешительной документации на строительство само по себе не является достаточным основанием для отказа в иске о признании права собственности на самовольную постройку или для удовлетворения требования о ее сносе, если при этом отсутствуют иные препятствия, мешающие сохранению данной постройки [4, с. 38].

Судебная практика свидетельствует о том, что суды более охотно признают право собственности на самовольную постройку в тех случаях, когда она не создает угрозы жизни и здоровью граждан, не нарушает права третьих лиц и размещена на земельном участке, предоставленном в установленном порядке лицу, которое осуществило на нем строительство.

Несмотря на наличие законодательного регулирования, проблема самовольного строительства остается актуальной. Существует ряд проблем, препятствующих эффективному решению данного вопроса, особенно в Донецкой Народной Республике:

1. Сложность получения разрешительной документации: в настоящее время, в виду переходного периода, предусмотренного Федеральным конституционным законом от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, требуется разработка и принятие ряда нормативных и правовых актов для того, чтобы сформировать механизм выдачи разрешений на строительство органами местного самоуправления в Донецкой Народной Республике. В настоящее время у населения отсутствует возможность получить соответствующую документацию, в виду отсутствия надлежащего правового регулирования.

2. Недостаточная информированность населения о правовых последствиях самовольного строительства: многие граждане, осуществляющие самовольное строительство, не осознают всех негативных последствий, которые могут наступить в результате. В настоящее время в Донецкой Народной Республике органы местного самоуправления и органы государственной власти не проводят достаточное правовое просвещение населения в данном ключе, ввиду сложности налаживания деятельности данных органов в переходный период, предусмотренный Федеральным конституционным законом от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, с учетом нехватки кадров в Республике.

3. Недостаточное взаимодействие между органами государственной власти и местного самоуправления: Отсутствие эффективного обмена информацией между различными органами власти затрудняет выявление и пресечение фактов самовольного строительства.

Для решения этих проблем необходимо совершенствовать законодательство и правоприменительную практику в следующих направлениях:

1. Разработка соответствующих правовых актов, для реализации процедур получения разрешительной документации: в настоящее время требуется разработка правовых документов органами государственной власти, органами местного самоуправления для того, чтобы сформировать механизм выдачи разрешений на строительство в Донецкой Народной Республике.

2. Повышение информированности населения о правовых последствиях самовольного строительства: необходимо проводить разъяснительную работу с населением, распространять информацию о порядке получения разрешений на строительство и о негативных последствиях самовольного строительства через средства массовой информации, в том числе через официальные информационные ресурсы органов местного

самоуправления и органов государственной власти. Данные вопросы также целесообразно освещать на сходах граждан.

3. Повышение контроля за соблюдением строительных и градостроительных норм и правил: требуется усилить эффективность надзора, а также ужесточить ответственность за несоблюдение требований законов. Органы местного самоуправления и государственные органы должны совместно разработать механизмы взаимодействия для выявления случаев нарушения законодательства в этой сфере и обеспечивать принятие необходимых мер в рамках своей компетенции.

4. Расширение кадрового потенциала органов государственной власти и органов местного самоуправления: с целью решения вопроса недостаточности кадров в Республике, для надлежащего выполнения функций указанных органов, имеет место рассмотреть возможность закрепления на законодательном уровне периода, когда выпускник высшего учебного заведения по соответствующей специальности должен пройти отработку на рабочем месте в органе государственной власти или органе местного самоуправления. Срок отработки в таком случае можно установить – 1 год. В таком случае, у органов государственной власти и органов местного самоуправления появится возможность более эффективно функционировать, благодаря наличию в штате молодых специалистов, заинтересованных в трудовой деятельности.

Проблема приобретения права собственности на самовольную постройку остается одной из наиболее сложных и актуальных в современной России. Для эффективного решения данной проблемы необходимо комплексное совершенствование законодательства и правоприменительной практики, повышение информированности населения, усиление контроля за соблюдением градостроительных и строительных норм и правил. Только в этом случае можно обеспечить баланс между защитой прав собственников земельных участков, обеспечением безопасности граждан и предотвращением незаконного строительства.

Список литературы:

1. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 года № 190-ФЗ (редакция от 4 августа 2023 года). – // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 52.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (редакция от 24 июля 2023 года). – // Российская газета. – 1994. – 2 декабря. – № 237 (3806). – Ст. 138.
3. Ерофеева, А.А. Проблемы правового статуса самовольной постройки / А.А. Ерофеева // Юрист. – 2015. – № 1. – С. 43.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29 апреля 2010 года «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав». – Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 18. – Ст. 38.

1.4. ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО; ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО; ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО; АГРАРНОЕ ПРАВО

ИСТОРИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ОТХОДЫ ПРОИЗВОДСТВА И ПОТРЕБЛЕНИЯ» В ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ПРАВЕ РФ

Павлюченков Алексей Андреевич

*аспирант,
Московский финансово-юридический
университет, МФЮА,
РФ, г. Москва*

THE HISTORY OF THE LEGISLATIVE CONSOLIDATION OF THE CONCEPT OF "PRODUCTION AND CONSUMPTION WASTE" IN THE ENVIRONMENTAL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

Pavlyuchenkov Alexey Andreevich

*Postgraduate student,
Moscow University of Finance
and Law, MFUA,
Russia, Moscow*

Аннотация. В статье исследуется развитие и становление понятийного аппарата экологического права России в части обращения с отходами. Исследована содержательная часть понятия «отходы производства и потребления»: проведен сравнительно правовой анализ дефиниций понятия «отходы производства и потребления», нормативно закрепленных в различных правовых актах экологического права РФ; выделены признаки отнесения материальных объектов к отходам; выявлено наличие правовой неопределенности, возникшая из-за неясного толкования определения понятия «отходы производства и потребления».

Abstract. The article examines the development and formation of the conceptual framework of Russian environmental law in terms of waste management. The substantial part of the concept of "production and consumption waste" is investigated: a comparative legal analysis of the definitions of the

concept of "production and consumption waste", which are normatively fixed in various legal acts of the environmental law of the Russian Federation, is carried out; the signs of attribution of material objects to waste are highlighted; the existence of legal uncertainty has been revealed, which has arisen due to an unclear interpretation of the definition of "production and consumption waste".

Ключевые слова: отходы производства, обращение отходов, удаление отходов, утилизация отходов, размещение отходов, экологическая безопасность, охрана окружающей среды.

Keywords: industrial waste, waste management, waste disposal, waste disposal, waste disposal, environmental safety, environmental protection.

В СССР и РСФСР не было специального закона, регулирующего деятельность в области обращения с отходами производства и потребления. Регулирование отношений в указанной области осуществлялось на основании положений ведомственных подзаконных актов и санитарных правил.

Закон РСФСР от 27.10.1960 "Об охране природы в РСФСР" в качестве меры по обеспечению санитарной охраны атмосферного воздуха, поверхностных и грунтовых вод, почв, грунтов, среди прочего, предполагал вовлечение хозяйственно-бытовых и промысловых отходов в народное хозяйство или их системное удаление (обезвреживание), а также разумное использование природных ресурсов. Для чего министерства, ведомства обязывались при проектировании предприятий разрабатывать и внедрять технологические процессы, обеспечивающие максимальную переработку сырья и топлива и не дающие вредных отходов [3].

Указанные нормы, в части их практического применения, носили в большей степени декларативный характер. Внедрение технологических процессов по значительному снижению отходов, отрицательно влияющих на состояние окружающей среды, развивалось медленно.

В связи с чем, в целях охраны природы и рационального использования природных ресурсов Верховный Совет СССР принял Постановление ВС СССР от 20.09.1972 N 3351-VIII "О мерах по дальнейшему улучшению охраны природы и рациональному использованию природных ресурсов", которое предусматривало усиление ответственности уполномоченных органов за предотвращение загрязнения окружающей среды промышленными отходами и ядохимикатами, а также за безусловное соблюдение санитарно-гигиенических норм и правил. Кроме того, данный документ внес свой вклад в формирование понятийного аппарата в области обращения с отходами. Документ подчеркивал, что достижение научно-технической революции позволяет разумно пользоваться природными

богатствами, успешно решать исторически важную задачу – нейтрализовать вредные для природы и человека побочные явления хозяйственной деятельности [7]. Выделяя суть данного положения и сопоставляя ее с кругом поставленных задач, к которым, в частности, относятся предотвращение загрязнения природоохранных объектов промышленными отходами и ядохимикатами, можно сделать вывод, что отнесение промышленных отходов к побочному явлению хозяйственной деятельности является попыткой нормативно сформулировать определение понятия «промышленные отходы».

Позже термин «отходы производства и потребления» был использован в пункте 29 "Санитарных правил по сбору, хранению, транспортировке и первичной обработке вторичного сырья" утвержденные Главным государственным санитарным врачом СССР 22.01.1982 N 2524-82. Положение обязывало организации и предприятия по заготовке вторичного сырья обрабатывать отходы производства и потребления в специальных помещениях [8]. Однако в те годы, термин не был нормативно закреплен.

Изучая проблематику охраны окружающей среды при обращении с отходами советского периода, можно отметить, что законодатель того времени не уделял должного внимания развитию понятийного аппарата в природоохранной сфере. В нормативно-правовых актах периода 1970-1990 г. широко применялись базовые термины: «отходы», «утилизация отходов», «переработка отходов», «захоронение отходов», «вторичное сырье». Однако нормативно-правовые акты не содержали дефиниций, применяемых терминов. Природоохранное законодательство советского периода характеризуется тем, что промышленные отходы признавались основным источником загрязнения природы. В связи с чем законодательные усилия периода 1970-1990 г. направлялись на нормативно-правовое совершенствование санитарного надзора за промышленными предприятиями по предотвращению и сокращению загрязнения окружающей среды токсичными отходами. Для этих целей вводились императивные санитарные требования по обязательной очистке сточных вод и атмосферных выбросов, а также технические правила, регулирующие строительство, проектирование очистных промышленных сооружений и устройство полигонов по захоронению твердых не утилизируемых отходов.

12.05.1985 г. Министерством здравоохранения СССР утверждены «Методические указания для органов, учреждений санитарно-эпидемиологической службы по контролю за реализацией мероприятия, направленных на санитарную охрану окружающей среды от загрязнения твердыми и жидкими токсичными отходами промышленных предприятий» (далее – Методические указания).

Данный документ классифицировал промышленные отходы по степени их токсичности, отраслевой принадлежности, морфологическому

составу и гигиеническому принципу. Под промышленными отходами понимались источники загрязнения, в химический состав которых входили вредные (токсичные) компоненты: бериллий, свинец, ртуть, мышьяк, хром, фосфор, кобальт, кадмий, никель, сурьма и другие соединения. Документ ввел новый для законодательства того времени термин «класс опасности» применительно к отходам. Для определения класса опасности отходов использовалось два критерия отраслевая принадлежность и морфологический состав. Данная классификация называлась «Технологическая классификация промышленных отходов по основным отраслям промышленности» и предполагала четыре класса опасности: I класс – вещества (отходы) чрезвычайно опасные; II класс – вещества (отходы) высокоопасные; III класс – вещества (отходы) умеренно опасные; IV класс – вещества (отходы) неопасные.

Однако согласно пункту 2.6. Методических указаний классификация отходов по отраслям промышленности и морфологическому составу не является критерием для суждения об их опасности, т.к. каждый вид отходов содержит набор химических веществ, характеризующихся различной их токсичностью. Поэтому изучение химического состава каждого вида промышленных отходов является необходимым условием для уточнения классов опасности твердых отходов, шламов, сточных вод, и определения способов их утилизации, обезвреживания и захоронения [4].

Степень токсичности отходов являлась основным критерием для определения класса опасности отходов.

Отсутствие в природоохранном законодательстве советского периода нормативно закреплённого понятия «отходы» и «вторичное сырьё» давало возможность использовать в нормативно-правовых актах термин «вторичное сырьё» в отношении отходов, подлежащие утилизации. Например, отходы бумаги, пищевые отходы, текстиля, металла, кожи, резины, полимеров, стекла и других.

Природоохранные нормативно-правовые акты СССР и РСФСР, периода шестидесятых и конца восьмидесятых годов, во многом заложили основы будущего современного экологического законодательства Российской Федерации. В данный период были законодательно закреплены экологические проблемы, поставлены цели природоохранной деятельности государства. Требование по рациональному использованию природных богатств стало одним из принципов современного экологического права.

Так же принимались меры по снижению негативного воздействия промышленных и бытовых отходов на природу и человека. В частности, была введена классификация промышленных отходов по классам опасности. В первые был введен запрет на захоронение отходов на полигоне, для

которых существуют технологии повторной переработки. Обязательным условием для строительства и эксплуатации вредных промышленных предприятий стало выполнение требований по установке очистных сооружений. В правоприменительной практике внедрялся учет образовавшихся отходов и контроль за их перемещением.

Понятие «отходы» и другие базовые понятия в сфере обращения с отходами, впервые были нормативно закреплены в 1994 г. в подзаконном акте Минприроды РФ «Временные правила охраны окружающей среды от отходов производства и потребления в РФ» (далее – Временные правила). Временные правила являлись первым нормативным актом, содержащий в себе системно разработанный понятийный аппарат в области обращения с отходами, которыми были даны определения каждому из понятий «отходы», «отходы производства» и «отходы потребления».

Отходы производства – остатки сырья, материалов, полуфабрикатов, производства образовавшиеся при производстве продукции или выполнении работ и утратившие полностью или частично исходные потребительские свойства; вновь образующиеся в процессе производства попутные вещества, не находящие применения. В отходы производства включаются вмещающие и вскрышные породы, образующиеся при добыче полезных ископаемых, побочные и попутные продукты, отходы сельского хозяйства.

Отходы потребления – изделия и материалы, утратившие свои потребительские свойства в результате физического или морального износа. К отходам потребления относятся и твердые бытовые отходы, образующиеся в результате жизнедеятельности людей [1].

В первое понятие «отходов производства и потребления» было законодательно закреплено в пункте 1 статьи 1 Федерального закона от 24.06.1998 N 89-ФЗ "Об отходах производства и потребления" (далее – Закон об отходах). Его принятие стало важным этапом развития правового регулирования отношений в области обращения с отходами в Российской Федерации. Согласно первой его редакции отходами производства и потребления признавались – остатки сырья, материалов, полуфабрикатов, иных изделий или продуктов, которые образовались в процессе производства или потребления, а также товары (продукция), утратившие свои потребительские свойства [9].

Сравнивая определения «отходы», содержащиеся в указанных нормативно правовых актах, можно заключить, что они оформлены с применением разных юридических техник.

Во Временных правилах используется индивидуальный подход, каждому из понятий «отходы», «отходы производства» и «отходы потребления» дается свое определение. Стоит отметить, что дефиниция понятия

«отходы производства», в отличие от дефиниций «отходы» и «отходы потребления», содержит описание критериев, которые однозначно позволяют определить объект, относящийся к отходам производства. К таким критериям относятся:

- тип объекта, которые подразделяются по агрегатному состоянию на твердые отходы (остатки сырья, материалов, полуфабрикатов, производства) жидкие, газообразные, пастообразные отходы (вновь образованные попутные вещества);
- происхождение объекта (процесс производства/работ);
- возможность применения (утрата потребительских свойств, невозможность применения);
- принадлежность к горнодобывающей, сельскохозяйственной отрасли;

Закон об отходах, также разделяет отходы на два вида, производства и потребления, но при этом применяется унифицированный подход, вводится понятие «отходы производства и потребления», которое объединяет две дефиниции и сводит их к одному понятию «отходы». Одновременно с тем, наблюдается единообразное структурное построение определений, содержащихся во Временных правилах и определения в Законе об отходах, а также идентичные критерии отнесения объектов материального мира к соответствующим видам отходов.

С введением Федерального закона от 29.12.2014 N 458-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "Об отходах производства и потребления", отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации" определение понятия «отходы производства и потребления» было изложено в следующей редакции Отходы производства и потребления (далее – отходы) – вещества или предметы, которые образованы в процессе производства, выполнения работ, оказания услуг или в процессе потребления, которые удаляются, предназначены для удаления или подлежат удалению в соответствии с настоящим Федеральным законом [10].

Как следует из указного положения, законодатель продолжил унификацию определения «отходы производства», произвел обобщение типов отходов, отнеся остатки сырья, материалов, полуфабрикатов, производства к веществам и предметам.

Сохранилось деление отходов на два основных вида: отходы производства, образованные в процессе производства (работ или услуг), отходы потребления, образованные в процессе потребления. Однако был введен новый универсальный критерий отнесения предметов и веществ к отходам, это необходимость их удаления.

В связи с чем отходы производства и потребления стали разделяться на три условных группы: отходы, которые удаляются, отходы, предназначенные для удаления, или подлежат удалению.

В статье 1 Закона об отходах содержится ссылка на то, что удаление отходов происходит в соответствии с настоящим Федеральным законом. Однако Закон об отходах не содержит разъяснений какими признаками должны обладать предметы и вещества для отнесения их к той или иной группе отходов.

Обращение с отходами – это деятельность по сбору, накоплению, транспортированию, обработке, утилизации, обезвреживанию, размещению отходов. Удаление отходов не входит в него.

К аналогичным выводам приходит кандидат юридических наук Пономарев М.В. в своей диссертации указывая, что при этом столь необходимый для установления точного содержания указанного понятия термин «удаление отходов» остается неясным, так как действующая редакция Федерального закона «Об отходах производства и потребления» не содержит его определения и практически не употребляет его в своих правовых нормах [6, 34].

В этой связи существует проблема толкования понятия «отходы производства и потребления».

Понятие «отходы» в современном экологическом законодательстве РФ раскрывается в иных нормативно-правовых актах.

Более детально оно изложено в п. 3 "ГОСТ 30772-2001. Межгосударственный стандарт. Ресурсосбережение. Обращение с отходами. Термины и определения" (далее – ГОСТ 30772-2001).

Под отходами понимаются остатки продуктов или дополнительный продукт, образующиеся в процессе или по завершении определенной деятельности и не используемые в непосредственной связи с этой деятельностью (ГОСТ 30772-2001).

К отходам производства относятся остатки сырья, материалов, веществ, изделий, предметов, образовавшиеся в процессе производства продукции, выполнения работ (услуг) и утратившие полностью или частично исходные потребительские свойства (п 3.11. ГОСТ 30772-2001).

К отходам потребления относятся остатки веществ, материалов, предметов, изделий, товаров (продукции или изделий), частично или полностью утративших свои первоначальные потребительские свойства для использования по прямому или косвенному назначению в результате физического или морального износа в процессах общественного или личного потребления (жизнедеятельности), использования или эксплуатации (п. 3.12. ГОСТ 30772-2001).

Понятие «отходы» в ГОСТ 30772-2001 оформлены в той же юридической технике, примененной во Временных правилах. Однако, если во Временных правилах понятия «отходы» и «отходы потребления» допускали различное их трактование, в силу несоответствия структуре, заданной

в определении отходы производства, то в ГОСТ 30772-2001 данная проблема была устранена, во всех трех определениях выделены критерии отнесения объектов к соответствующим видам отходов.

Как видно из предложенного анализа истории законодательного закрепления понятия «отходы», разница в подходе к изложению понятия «отходы» в подзаконных актах и Законе об отходах сохраняется по настоящее время.

Закон об отходах разделяет понятия «отходы производства» и «отходы потребления» по двум критериям, к которым относит, процесс получения отходов и место их образования, одновременно включает их в одно определение, которым прямо указывает, что под отходами понимаются отходы производства и потребления. Такой подход исключает необходимость давать отдельное определение каждому из понятий, что позволяет избежать противоречий или неточностей в формулировках, какие наблюдается между понятиями «отходы» и «отходы производства/потребления» в ГОСТ 30772-2001.

Согласно ГОСТ 30772-2001, помимо остатков продуктов, исходное понятие «отходы» включает в себя еще одну группу отходов – дополнительный продукт. Данной группе отходов не дано определение, они не отнесены к отходам производства или потребления. В пункте 3.16. ГОСТ 30772-2001 содержится близкий по смыслу термин «побочный продукт», которым является дополнительная продукция, образующаяся при производстве основной продукции и не являющаяся целью данного производства, но пригодная как сырье в другом производстве или для потребления в качестве готовой продукции. Примечание. Побочный продукт не является отходом [2].

Сравнивая два рассматриваемых термина, наблюдается очевидная правовая неопределенность и противоречие.

Среди законодательства стран СНГ отдельно следует выделить роль и значение Модельного закона "Об отходах производства и потребления", принятого Постановлением от 31 октября 2007 г. N 29-15 на 29 пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ (далее – Модельный закон), которым достаточно детально определяются понятийный аппарат в области обращения с отходами, а также организационные, управленческие и контрольно-надзорные основы деятельности по обращению с отходами.

Модельный закон, также как и Закон об отходах дает определение понятию «отходы» через единое определение отходов производства и потребления, к которым относит – остатки сырья, материалов, полуфабрикатов, иных изделий или продуктов, образовавшиеся в процессе производства или потребления, а также утратившие свои потребительские свойства товары (продукция), которые не могут в дальнейшем использоваться в месте их образования или обнаружения и от которых их

собственник избавляется, имеет намерение или должен избавиться путем утилизации или удаления [5].

Данное определение «отходов» наиболее детально описывает объекты, относящиеся к отходам. Определяет намерение (волю) собственника отходов избавиться от них как новый критерий отнесения объектов к отходам.

Из собранного материала можно сделать вывод, что определение понятия «отходы», содержащийся в Законе об отходах, имеет существенный недостаток, заключающийся в использовании термина «удаление отходов», который заключается в отсутствии законодательного закрепления дефиниции «удаление отходов», что приводит к двоякому и неоднозначному толкованию самого понятия «отходы», и не способствует формированию последовательной правоприменительной практики. Как следствие, в судебной практике, в целях определения объекта отходов, суды опираются на более ясные дефиниции, содержащиеся в ГОСТ 30772-2001.

Список литературы:

1. "Временные правила охраны окружающей среды от отходов производства и потребления в Российской Федерации" (утв. Минприроды РФ 15.07.1994) [электронный ресурс]. режим доступа https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17685/.
2. "ГОСТ 30772-2001. Межгосударственный стандарт. Ресурсосбережение. Обращение с отходами. Термины и определения"//М.: ИПК Издательство стандартов, 2002.
3. Закон РСФСР от 27.10.1960 "Об охране природы в РСФСР" // "Ведомости ВС РСФСР", 1960, N 40, ст. 586.
4. Методические указания для органов, учреждений санитарно-эпидемиологической службы по контролю за реализацией мероприятия, направленных на санитарную охрану окружающей среды от загрязнения твердыми и жидкими токсичными отходами промышленных предприятий», утвержденных заместителем Главного государственного санитарного врача СССР от 12.05.1985 № 3912-85 // М., 1985.
5. Модельного закона "Об отходах производства и потребления", принятого Постановлением от 31 октября 2007 г. N 29-15 на 29 пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ 6 2007 г., № 41.
6. Пономарев М.В. Правовое регулирование охраны окружающей среды при обращении с отходами производства и потребления: Дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 2019.
7. Постановление ВС СССР от 20.09.1972 N 3351-VIII "О мерах по дальнейшему улучшению охраны природы и рациональному использованию природных ресурсов" // "Ведомости ВС СССР", 1972, N 39, ст. 346.

8. "Санитарные правила по сбору, хранению, транспортировке и первичной обработке вторичного сырья" (утв. Главным государственным санитарным врачом СССР 22.01.1982 N 2524-82) [электронный ресурс]. Режим доступа https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102273/
9. Федерального закона от 24.06.1998 N 89-ФЗ "Об отходах производства и потребления" // "Российская газета", N 121, 30.06.1998.
10. Федерального закона от 29.12.2014 N 458-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "Об отходах производства и потребления", отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации" // "Российская газета", N 299, 31.12.2014.

К ВОПРОСУ О КОНЦЕПЦИИ ЕДИНСТВА ЮРИДИЧЕСКОЙ СУДЬБЫ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА И РАСПОЛОЖЕННОЙ НА НЕМ ПОСТРОЙКИ

Лудашова Елизавета Олеговна

*магистрант,
ФГБОУ ВО Саратовская государственная
юридическая академия,
РФ, г. Саратов*

ON THE ISSUE OF THE CONCEPT OF THE UNITY OF THE LEGAL FATE OF THE LAND PLOT AND THE BUILDING LOCATED ON IT

Elizaveta Ludashova

*Master's student,
Saratov State Law Academy,
Russia, Saratov*

В пользу концепции единства юридической судьбы земельного участка и расположенной на нем постройки выступают доводы экономической целесообразности, удобства оборота и определенности правового положения его участников. Однако для отечественного правопорядка ввиду особенностей правового регулирования оборота недвижимости на различных исторических этапах ситуация принадлежности земельного участка

и недвижимости на нем разным собственникам не является редкостью, что негативно сказывается на обороте недвижимости [4, с. 86].

Принцип единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов недвижимости закреплен в ЗК РФ в качестве одного из основных принципов земельного законодательства. Однако в юридической доктрине и в судебной практике возникает немало вопросов по поводу его толкования и применения. В первые годы после принятия ЗК РФ часто комментировали этот принцип с использованием гражданско-правовых категорий «главная вещь и принадлежность» (проводя аналогию между нормами ГК РФ и ЗК РФ с учетом, содержащегося в обеих нормах «права следования» одного объекта за другим).

Таким образом, участники земельных правоотношений не могут своим соглашением установить ситуацию, при которой расположенная на земельном участке недвижимость не будет следовать правовой судьбе земельного участка. Однако при таком подходе возникает вопрос: зачем тогда вообще приравнивать друг к другу две разные правовые модели «земельный участок и недвижимость на нем» и «главная вещь и принадлежность»?

Соответствующие положения ЗК РФ не могут затрагивать общие правила наследования, предусмотренные ГК РФ. Земельные участки и строения – это самостоятельные объекты права собственности, поэтому нет никаких оснований для признания завещания недействительным, если завещатель сделал отдельные распоряжения по поводу земельного участка и строения [1, с. 16].

Авторы, которые придерживаются такой позиции, ссылаются прежде всего на «оговорку» в ЗК РФ о том, что принцип единства судьбы применяется «за исключением случаев, установленных федеральными законами». Таким исключением можно считать ГК РФ.

Эта точка зрения нашла официальное закрепление в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» [5], в п. 79 которого сказано, что земельные участки и расположенные на них здания, строения, сооружения выступают в качестве самостоятельных объектов гражданского оборота, поэтому завещатель вправе сделать в отношении их отдельные распоряжения, в том числе распорядиться только принадлежащим ему строением или только земельным участком (правом пожизненного наследуемого владения земельным участком). Вместе с тем в данном постановлении сказано, что не могут быть завещаны отдельно часть земельного участка, занятая зданием, строением, сооружением и необходимая для их использования, и сама постройка. Наличие в завещании таких распоряжений влечет в этой части недействительность завещания.

Общий смысл этой оговорки понятен, но вызывает сомнение сама постановка вопроса о завещании «части земельного участка». Поэтому в целях последовательного применения принципа единства судьбы следует предусмотреть в ГК РФ нормы о недопустимости при совершении завещания разрыва права собственности на земельный участок с правом собственности на расположенную на этом участке недвижимость. Предложения такого рода уже звучали в юридической литературе, в том числе и со стороны авторов, предлагающих даже до внесения этих изменений считать завещание ничтожным, что свидетельствует о противоречивости их позиции. Это первое направление конкретизации рассматриваемого принципа. Второе связано с определением элементов его содержания, формулировкой данного принципа.

Вопрос о «следовании» одного объекта за другим – не праздный. Если вспомнить положения гражданского законодательства о главной вещи и принадлежности, то там главная вещь никогда не может следовать за принадлежностью, но принадлежность может не следовать за главной вещью, если это предусмотрено договором. В земельном законодательстве, как мы видим, по общему правилу недвижимость должна следовать за земельным участком, но на деле гораздо больше норм, смысл которых состоит в обратном: земельный участок следует за отчуждаемой недвижимостью или режим недвижимости определяет режим участка (в отношении многих земельных участков, изъятых и ограниченных в обороте).

Как мы отмечали выше, рассматривать земельный участок как главную вещь, а недвижимость на нем – как его принадлежность вряд ли правильно, так как сегодня это два самостоятельных объекта. Безусловно, между земельным участком и иной недвижимостью существует определенная связь, обусловленная в том числе отнесением земельного участка к определенной категории и установленным видом разрешенного использования конкретного участка, но подчас невозможно сказать, что одна вещь (и какая именно) «предназначена для обслуживания» другой, а это основной признак принадлежности. Общим «знаменателем» между принципом единства судьбы и категорией «главная вещь и принадлежность» является лишь «право следования», однако оно присуще и иным конструкциям (например, сервитутам и иным обременениям земельных участков).

Следует также отметить, что даже известные ученые, анализируя положения рассматриваемого принципа, подчас выдают желаемое за действительное, считая, что в пп. 5 п. 1 ст. 1 ЗК РФ, равно как и в п. 4 ст. 35 ЗК РФ, закреплена концепция «единого объекта» [6, с. 151]. Во многом такой подход обусловлен содержанием п. 3.6.3 Концепции развития гражданского законодательства РФ: «В ГК должна быть реализована модель

единого объекта недвижимости, который возникает при совпадении в одном лице собственника земельного участка и собственника, находящегося на нем недвижимого имущества. Дальнейшее отчуждение земельного участка без находящегося на нем объекта недвижимости не допускается. Если собственник объекта недвижимости не является собственником занимаемого данным объектом земельного участка, то он всегда должен иметь право пользования таким участком» [3].

Говоря о конкретном содержательном наполнении земельно-правового принципа единства судьбы и повышении эффективности его правоприменения, важно поставить вопрос о наполнении его определенными элементами – юридическими императивами. Например, О.М. Козырь и А.А. Маковская полагают, что принцип единства охватывает два момента: во-первых, запрет распоряжаться по отдельности земельным участком и объектом на нем, если их собственником является одно лицо; во-вторых, предоставление права пользования земельным участком собственнику объекта на нем, если собственник земельного участка и собственник объекта на нем – разные лица [2, с. 100].

Подводя итог, следует отметить, что современное законодательство, провозгласив единство правовой судьбы земельного участка и возведенной на нем недвижимости, не вполне последовательно придерживается его при регулировании конкретных правоотношений. Наличие в одном правопорядке нескольких моделей дестабилизируют гражданский оборот и экономические отношения. В силу этого, положения гражданского и земельного законодательства нуждаются в упорядочении и реформировании.

Список литературы:

1. Ефимов А.Ф. Некоторые вопросы рассмотрения судами дел о наследовании земельных участков // Комментарий судебной практики. Вып. 8 / Под ред. К.Б. Ярошенко. М., 2002. С. 14–28.
2. Козырь О.М., Маковская А.А. «Единая судьба» земельных участков и расположенных на нем иных объектов недвижимости (реальность и перспективы) // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2003. №2. С. 95-114.
3. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. №11.
4. Логунова М.В. Особенности реализации принципа единства судьбы земельных участков, ограниченных в обороте, и прочно связанных с ними объектов недвижимости // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. №1 (208). С. 86-97.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 N 9 (ред. от 24.12.2020) "О судебной практике по делам о наследовании" // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. №7.
6. Суханов Е.А. Об одном судебном прецеденте // Вестник гражданского права. 2017. №5. С. 145–157; Доронина Н.Г., Семилютин Н.Г., Цирин М.А. Коллизионные вопросы оборота недвижимости в России и за рубежом // Legal Concept = Правовая парадигма. 2019. Т. 18. №1. С. 148–156.

НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
**ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ИСТОРИЯ,
СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ
И ФИЛОСОФИЯ**

*Сборник статей по материалам СIII международной
научно-практической конференции*

№ 8 (103)
Август 2025 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 11.08.25. Формат бумаги 60х84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 3,5. Тираж 550 экз.

Издательство «МЦНО»
123098, г. Москва, ул. Маршала Василевского, дом 5, корпус 1, к. 74
E-mail: socialconf@nauchforum.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 1

**НАУЧНЫЙ
ФОРУМ**
nauchforum.ru